

Алекс Маркман

Таежная фея

*Часть сборника
Заблудшие души (сборник)*

Алекс Маркман

Таежная фея

«Автор»

2012

Маркман А.

Таежная фея / А. Маркман — «Автор», 2012

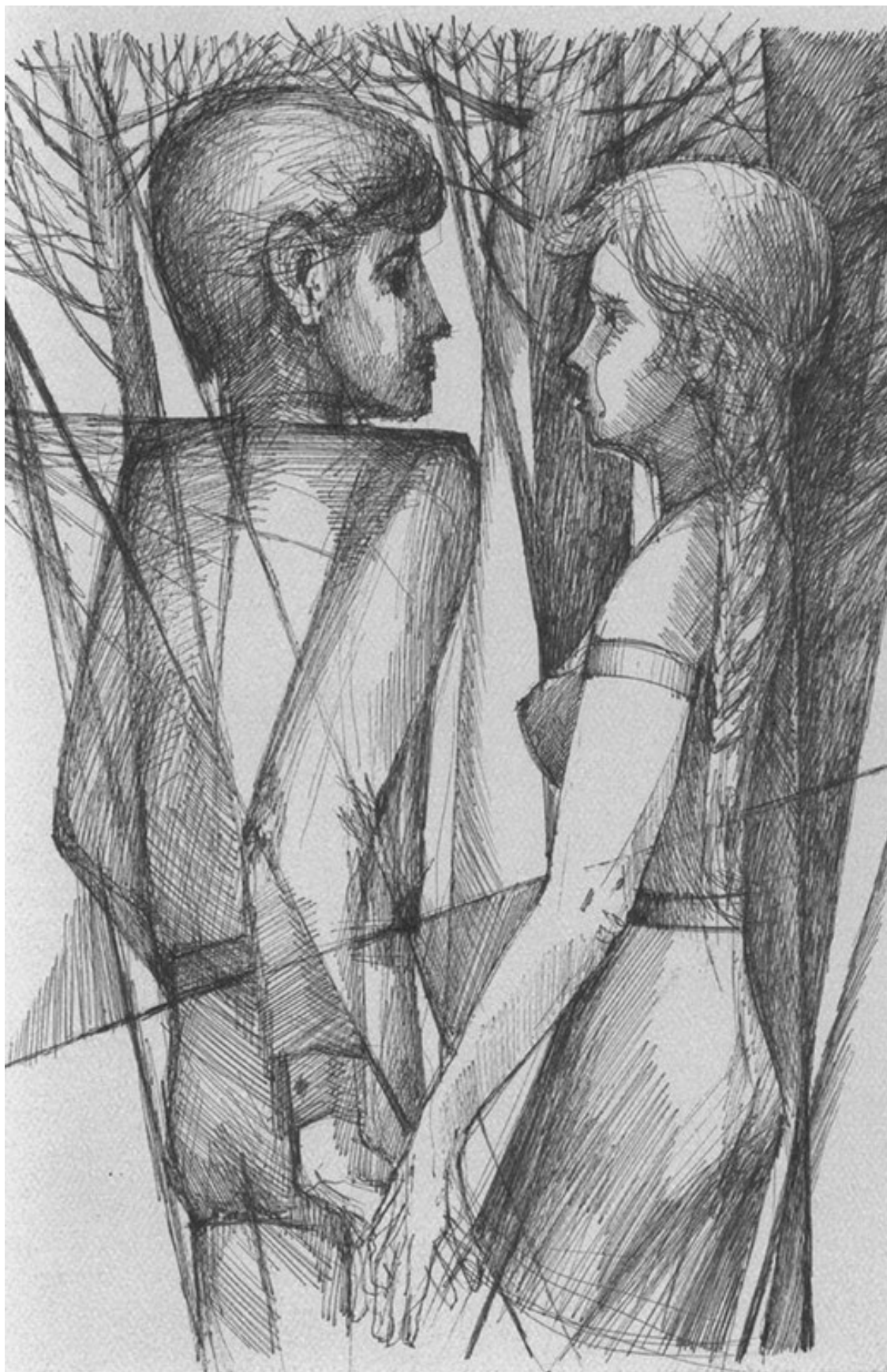
ISBN 978-1-926720-30-2

«Таежная фея» – рассказ о любви, родившейся в заброшенном, не обозначенном на карте поселении, который обосновали люди, скрывавшиеся в непроходимой тайге от преследований и бессмысленных расправ сталинских времен. Юная деревенская красавица влюбляется в одного из участников северной экспедиции и решает бежать с ним в большой город. Им многое пришлось испытать: погоню, коварство северных болот и большого города.

ISBN 978-1-926720-30-2

© Маркман А., 2012

© Автор, 2012

Алекс Маркман Таежная фея

В июне, далеко за шестидесятой параллелью, там, где встречаются Северный и Приполярный Урал, нет ласковых летних ночей, света ночных фонарей и звездного неба. В вечерние часы там солнце заливает тайгу горячим, бездушным светом и, бесшумно касаясь верхушек деревьев, снова поднимается ввысь. В этих безлюдных краях нет ни комфорта, ни покоя. Четверо путешественников, сплавлявшихся по реке на двух потрепанных лодках, поняли это в первый же день пути. Стояла изнуряющая жара, но раздеться нельзя было из-за кишасшей массы комаров. Они облепляли одежду черным ковром и проникали глубоко сквозь нее жалами своих ненасытных хоботков, болезненно вонзаясь в тело. А мошка проползала под одежду и разрывала кожу своими свирепыми маленькими челюстями. Взятые в дорогу лучшие средства не оказывали на маленьких дьяволов никакого действия. На десятый день, одуревшие от недостатка сна и изнуряющих солнечных ночей, с лицами, распухшими от укусов, четверо путешественников мечтали только о том, чтобы найти место где можно выйти на берег, расставить палатки и завалиться спать после двадцати часов непрерывного сплава. Найти такое место было не просто. Тайга буйно наступала на берега и, казалось, пыталась задавить реку. Деревья росли и падали, росли и падали, тысячи и тысячи лет подряд, не тронутые ни человеком, ни огнем, образуя беспорядочный барьер ветвистых стволов на подходе к суше. Ни человек, ни зверь не в состоянии преодолеть эту преграду. Таежный бурелом тянулся десятки километров, чередуясь обманчивыми просторами коварных, непроходимых болот.

Несмотря на усталость путешественники не теряли бодрости духа. Ведь сюда попадают только искатели приключений, а где же приключения бывают с комфортом и без риска жизни? Трое из них были выдавшие виды походники, которых ничем не удивишь. В соседней лодке, на корме ее, сидел руководитель экспедиции, Савва Дорофеев. Всегда спокойный, невозмутимый при любых обстоятельствах, он лениво смотрел вдаль, как будто мечтая и находясь вне мира сего. На самом же деле он замечал все, до мельчайших деталей. Он знал, кто больше всех устал, у кого плохое настроение, когда нужно сделать привал и где. Савва почти никогда не смотрел на карту; он помнил ее всю, до мелочей; она всегда была у него перед глазами, как развернутая на столе.

На носу той же лодки сидел Федор Афанасьев, поэт, влюбленный в тайгу и одиночество. Живописно свалывшиеся волосы на его голове сейчас торчали в разные стороны, как скошенная трава на измятом, запущенном газоне. Густая темная борода превратилась в пристанище комаров, от которых он даже не отмахивался. Как и следовало ожидать от мастера слова, он грязно сквернословил и богохульничал, когда их укусы становились невыносимы, и громко объявлял на всю тайгу что желает их комариной маме и папе самых больших сексуальных неприятностей.

Как и большинство поэтов нашего времени и режима, он был поэт не признанный. По его словам, не признанный поэт еще не значит плохой, хотя противоположное утверждение справедливо; поэт признанный – всегда плохой. Он часто уходил в тайгу один, порой на месяц – два, добывая себе еду охотой и рыбной ловлей, и писал стихи. Несмотря на свою склонность к одиночеству, он имел замечательную способность сходиться с людьми и заводить дружбу навек с первого знакомства.

На корме другой лодки находился Сергей Польшин, бывалый походник и отчаянный мальчик. На всем белом свете он боялся только одного человека: свою мать. Она заставляла его играть на скрипке с раннего детства, считая, что музыкальное образование облагораживает. Ее мнение резко расходилось с мнением соседей, которым приходилось слушать его игру, и с мнением самого Сергея, но он послушно играл, проводя в отчаяние учителей и окружающих.

А когда он поступил в институт, в нем вдруг проснулся революционер и мятежник. Он отважно заявил матери, что никогда в жизни больше не возьмет в руки ни смычок, ни скрипку, даже для подсобных, бытовых целей, и будет теперь заниматься спортом. Мать смирилась с судьбой и спрятала скрипку с тайной надеждой обучать на ней внуков. Возможно, это и было причиной того, что она до сих пор внуков не имела.

Ну а четвертый был моложе всех, только недавно закончил институт и пошел с ними из бравяды, чтобы доказать неизвестно что, и себе и другим, а получилось, как и следовало ожидать, что он оказался тяжелым грузом для всей экспедиции. А до конца путешествия все еще было далеко. Судя по карте, до ближайшего селения оставалось километров двести вниз по реке.

Справедливости ради нужно отметить, что он старался изо всех сил. Не ныл, не хныкал, не трусил в минуты опасности, однако сказывалось отсутствие тренировки и опыта во всем, что бы он ни делал. И вот сейчас, когда впереди послышался звук водопада, он вдруг встал и потянулся, не в силах больше сидеть в одной и той же позе и, потеряв центр тяжести, шлепнулся в реку. Сергею удалось выпрямить накренившийся каяк, но помочь ему он ничем не мог. Река сужалась на подходе к водопаду и течение ее становилось все быстрее. Нужно было изо всех сил маневрировать и работать веслом, чтобы не перевернуться с грузом. Без палаток, еды и походного оборудования им грозила верная смерть.

– Игорь, плыви к берегу и зацепись за что-нибудь, – закричал ему Савва Дорофеев. – Мы скоро вернемся к тебе.

Игорь плавать умел, но намокшая одежда и ботинки мешали двигаться и тянули вниз, как свинцовый груз. Вода была ледяная, несмотря на жару. Пить ее было приятно на привалах, как воду из холодильника, а вот находиться в ней можно было не более пяти – десяти минут. Если человека за это время не спасти, наступало переохлаждение организма и смерть. Течение все ускорялось, и Игорь понял, что до берега добраться не успеет: его несло прямо к водопаду. На самой кромке его он зацепился штаниной за какую-то застрявшую между камней корягу, панически рванулся и почувствовал резкую, раздирающую боль в ноге. Течение подхватило его и сбросило вниз. К счастью, водопад оказался невелик, всего метр или полтора высотой. Он выкарабкался на поверхность, жадно хватая воздух открытым ртом, и почувствовал, что силы покидают его. Ему вдруг стало все безразлично. Захотелось закрыть глаза и уснуть, и не видеть, не чувствовать ничего.

– Неужели смерть? – в бессильном отчаянии подумал он, пытаясь сбросить намокшую обувь. Но река вдруг сделала крутой поворот влево и вынесла его к берегу. Судьба была милостива к нему и на этот раз! Игорь схватился за ветку упавшего дерева, но сил на больше ни на что уже не осталось.

– Давай, давай руку! – услышал он вдруг властный, но почти детский девичий голос где-то совсем близко. – Протяни мне руку свою, ну! – Игорь поднял голову. На поваленном бревне, в метре от него, стояла девушка, ухватившись одной рукой за выступавший из воды сук, а другую протягивая ему. Игорь не удивился ее появлению: у него не было сил даже на это. Увидев, что он никак не отвечает на ее команду, девушка спрыгнула в воду, ухватила его за ворот куртки и потащила вверх, продираясь сквозь ветки и стволы поваленных деревьев. Ну и силища у нее была! Вытащила его из воды на твердый берег, обхватила за талию и потащила, как мешок. Метров через пятьдесят бурелом кончился и они выбрались на открытое место. Игорь сделал несколько шагов и упал на землю, в изнеможении закрыв глаза. Он почувствовал, что его волокут по земле, а потом привалили спиной к какой-то шершавой стенке. Чьи-то умелые руки сняли с него одежду, чтобы дать ему согреться под жарким северным солнцем. Они знали, что нужно делать, эти умелые руки. Силы снова стали возвращаются к нему, он выпрямился и сел, опираясь спиной на колючую грудку бревен.

С него сняли все, кроме трусов, и жаркое солнце начало возвращать ему тепло, отданное ледяной воде. Он поднял голову и увидел две склонившиеся над ним фигуры. Мужчина с суровым, давно не бритым лицом разглядывал его внимательно и угрюмо. Рядом с ним стояла молоденькая девушка, в мокром, стекающем веселыми струйками платье; она улыбалась, щурилась от бьющего в глаза солнечного света, и прикрывала глаза ладонью. Это, конечно, была та самая, которая вытащила его из воды. Она вся промокла, даже тяжелая русая коса, переброшенная через плечо на грудь, потемнела от воды.

Казалось, все происходит в каком-то нереальном мире. Откуда эти двое появились здесь, в необитаемых местах, среди комаров и болот? И эта девушка, с большими голубыми глазами, струившимися радостным задором юности, с длинными ресницами, которые трепетали, как крылья бабочки. Они создавали впечатление что из ее глаз струятся счастливые голубые лучи. Он не мог отвести от нее взгляд, хоть и начал чувствовать, согреваясь, свирепую атаку комаров.

– Что, пришли в себя? – спросила девушка, и ее пухлые, почти детские губы расплылись в заражающей улыбке. Игорь невольно улыбнулся ей в ответ, утвердительно кивнул, встал и огляделся. Наискосок от берега в тайгу уходила полоска домов какого-то странного поселения. Не было в нем обычной для деревни пыльной дороги и играющих на ней неухоженных детей. Не было оград вокруг домов, и не было даже определенного порядка расположения изб. Не видно было и баб, судачивших о своих женских делах или идущих домой с коромыслом. Только неподалеку одиноко стоял рыжий детина, неподвижно, как языческий идол, вырезанный из ствола дерева. Он наблюдал за всеми угрюмо и внимательно. Игорь случайно встретился с ним взглядом: рыжий смотрел на него замороженными, широко открытыми, не мигающими глазами, как смотрят мертвецы. Игорь вспомнил слова его бабушки: «в каждой деревне обязательно есть хоть один юродивый».

В этот момент со стороны реки донеслись возбужденные крики и тотчас из-за пригорка появились его друзья, торопливо, почти бегом направляясь к Игорю.

– Ну как, живой? – радостно кричал Сергей, его напарник по лодке. – У-у, да ты никак ногу себе распорол. Погоди-ка, я сбегая, бинт из лодки принесу.

– Не нужно, – остановила его девушка. – Я все сделаю. Давайте, зайдем к нам в избу, у меня там все есть.

– Верно, – вмешался небритый мужчина – она у нас знахарка, хоть чего вылечит. А что, ребята, водка у вас есть?

– Есть, – сказал Игорь, переводя взгляд на девушку. Его все еще трясло от холода.

– Водка, – это первое дело от простуды, – пояснил мужчина авторитетно. – Ну и мы, заодно, для профилактики. Хватит на всех? – Он поскреб затылок, с надеждой заглядывая прищельцам в глаза.

– Хватит на всех, – заверил его Сергей. – По такому случаю не грех и выпить, как следует. – Небритое лицо мужика озарилось улыбкой праведника, повстречавшегося с апостолом. Он оглядел прибывших, как своих любимых родственников, и широко расставил руки, как будто хотел сказать: – Добро пожаловать, ангелочки!

– Как это вы его спасли? – спросил Савва Дорофеев, обращаясь к небритому мужчине. – Как вам удалось его заметить?

– Это не я, – ответил мужчина. – Это вот моя дочь, – сказал он гордо и кивнул в сторону девушки. – Настенька-то у меня глазастая.

– А я стою на пригорке, с Петром разговариваю, – возбужденно, звонким юношеским голосом стала пояснять Настя, улыбаясь и защищаясь ладонью от солнца – и гляжу, две лодки появились. Вдруг из одной лодки кто-то бултых – в воду, и понесло его. Я побежала туда, куда его примерно течение должно снести. Вода-то холоднющая, за несколько минут околеть можно.

– Никак не пойму, как это вы меня вытащили? – обратился к ней Игорь. Девушка была ниже среднего роста, стройная и красиво сложена, но не видно в ней было достаточно физической силы, чтобы вытащить мужчину из воды.

– Я – сильная, – задорно похвасталась девушка. – Я и не то еще могу сделать.

– А это что за человек стоит? – поинтересовался дотошный Савва Дорофеев, указав на рыжего истукана.

– А-а, это... – Небритый рассеянно посмотрел куда-то вдаль, в тайгу. – Это наш кузнец, Петр. В кузне, стало быть, работает. Ну, пошли в дом. – Игорь оглянулся и увидел рыжего, который последовал за ними, как тень, сильно хромя на левую ногу. Метрах в двадцати от дома он остановился, провая чужаков недобрый взглядом.

– Как вас зовут? – обратился к гостеприимному хозяину Федор Афанасьев.

– Меня то? Василий. Как еще в деревне могут звать? Василий да Иван. Я тут егерем работаю. Мы в первой же избе с Настенькой и живем. Вот тут. – Подойдя к срубленному из бревен дому, он распахнул дверь и жестом пригласил гостей внутрь. Гости прошли через сени и очутились в просторной комнате, посреди которой стоял стол, надежно сбитый из толстых, хорошо отструганных досок. Вокруг стола в беспорядке стояли табуретки, сделанные, как и все в доме, местными умельцами, надежно, грубо и добросовестно. Сквозь маленькие окна, прорубленные в метре от огромной русской печи, желтым пыльным столбом застыли лучи неторопливого северного солнца.

– Располагайтесь, где кто хочет, – пригласил егерь. – У нас большой дом. Здесь вот моя спальня, там настина, а вот в углу вход в комнатенку – ну, так, не для жилья, за ней расположена кладовка. Там лавка большая есть, на ней тоже можно постелить.

– Первым делом, – вмешалась Настя, – нужно ему ногу забинтовать. Идите сюда, – позвала она Игоря, – ко мне в комнату. У меня все есть. Вот сюда, – командовала она, слегка подталкивая его.

Настина комната располагалась справа по выходу из сеней. Игорь остановился на ее пороге, и с любопытством осмотрел настино жилье. Возле стены, напротив окна, в дальнем левом углу стояла железная кровать, тщательно застеленная, с белоснежными наволочками на подушках. В углу над кроватью висела икона. Лик какого-то святого умиротворенно и одобрительно смотрел на Игоря, но следовал за ним взглядом, куда бы Игорь не двигался. К самому окну был придвинут небольшой стол, накрытый дешевой чистой клеенкой, а под ним виднелись две табуретки. Справа от кровати стояли самодельные полки с книгами, да еще ряд полок с какими-то банками, бутылками и корзинками с травами. У входа висел умывальник. Стекла на низко расположенных окнах были тщательно вымыты и на подоконнике стоял горшок с цветами. Комната, казалось, было наполнена радостью бытия и благодарностью миру Божьему.

– Садитесь-ка сюда, – пригласила его Настя, подвинув табуретку. – Вот, возьмите полотенце, а ноги поставьте в таз. Да побыстрее! Видите, как кровь течет. Надо остановить. – Настя смочила марлю какой-то жидкостью и стала осторожно протирать рану. Игорь поморщился от боли.

– Потерпите, потерпите, – увещевала его Настя, понизив голос. – Счас закончу вот, и вам полегчает. Она смазала рану какой-то мазью и тщательно, умело забинтовала ногу.

– Откуда ты умеешь все это делать? – спросил Игорь.

– Я у Авдотьи, знахарки нашей, многому научилась, – пояснила Настя, заканчивая работу. – Я у нее часто провожу время, помогаю ей всякие лекарства готовить и лечить людей, да и скотину тоже. У нас ведь здесь нет ни ветеринара, ни врача, ни даже фельдшера. Я сама хочу выучиться, только не на врача, а на ветеринара. Я животных люблю. Да для этого нужно в большой город ехать, а паспорта у меня нет. Без паспорта и не пропишут, и документы в институт не примут.

– Почему у тебя паспорта нет? – заинтересовался Игорь.

– Не дают. Разве вы не знаете? Нам, деревенским, паспортов не дают. А без паспорта куда денешься? А парни то наши, они из армии сюда не возвращаются. Получат паспорт где ни есть, в городе каком, и все тут, там и остаются. Даже навестить сюда не приезжают. Потому и помирает деревня. Во многих избах уж давно никто не живет. – Она выпрямилась и, подойдя к окну, села на другую табуретку.

– Вы..., вы где-нибудь учитесь? – с жадным любопытством спросила она. – Может, работаете? А что вы здесь делаете? Надолго в наши края? – Она рассматривала Игоря во все глаза, как пришельца с другой планеты.

– Я уже выучился, – улыбнулся Игорь. – Закончил политехнический институт. Первый год работаю. А почему тебя это так интересует?

– Вы уж извините, – смутилась девушка. – У нас здесь годами новых то людей не бывает. Значит, вы инженер? – Она не в силах была скрыть своего восхищения. – Вот здорово! А сколько вам лет?

– Двадцать три. Скоро двадцать четыре. Называй меня на ты. А тебе сколько лет?

– Семнадцать. Я только в этом году школу закончила. Меня на зиму отец отправлял в районный центр к тетке, чтобы я в школу ходила. Далеко отсюда. Я одна из всей деревни десять классов закончила. Здесь никто никогда столько не учился.

– Я может смогу тебе помочь получить паспорт, – неожиданно сказал Игорь.

– Да? Как? – Девушка подскочила от возбуждения на табуретке и замерла в ожидании ответа.

– У меня отец – второй человек в обкоме партии. Он для меня сделает все, что попрошу. Только ты не распространяйся об этом. Хорошо?

– Настенька-а, – позвал ее егерь из соседней комнаты, откуда был слышен гул довольных голосов. Путники были рады отдыху и гостеприимству егеря.

– Иду-у, – откликнулась Настя. – Чай, мясо к водке жарить надо? – И обращаясь к Игорю, сказала: – Пойдем, мне сготовить чего-нибудь надо, чтобы вас угостить. Потом поговорим. Ладно? Не забудешь, что обещал? – Она встала, сделала два шага и, оглянувшись, улыбнулась. От этой улыбки у Игоря возбужденно запрыгало сердце.

– Не забуду. Ты мне спасла жизнь. Спасибо тебе, Настенька, – сказал он, улыбнувшись в ответ, и хромая последовал за ней.

Настя вышла из дома где, как она объяснила, располагалась керосинка и все, что нужно для приготовления еды. Путники принесли свои рюкзаки из лодок, переоделись и выставили две бутылки водки на стол.

– Может, начнем понемногу? – предложил егерь, расставляя стаканы.

– Василий сделал нам дельное предложение, – объявил Федор. – Я предлагаю выпить перво-наперво за гостеприимство, а уж потом, за спасение души. – Егерь медленно выпил, смакуя каждый глоток, и со стуком поставил стакан на стол.

– А почему за спасение души? – поинтересовался он.

– Я бы должен был сказать, за спасение души и тела. Вы спасли Игорю жизнь. А впрочем, все мы, грешники, нуждаемся в спасении души. Оттого и пьем за это, и каждый второй тост у нас – за спасение души.

– Чудно ты говоришь, – заметил егерь. – Не лишку ли?

– Это моя профессия, Василий, – пояснил весело Федор. – Я – поэт. Пишу стихи. Меня никто, правда, не понимает, и потому я предлагаю выпить по второй. А кому эта причина покажется не достаточно веской, может пропустить.

Эта причина показалась всем вполне достаточной. Они снова выпили, Федор выложил на стол сигареты и начался возбужденный пьяный мужской разговор. Игорь тоже закурил и прислушался к непонятному шуму за окном. Мужской голос что то возбужденно говорил, грубо, отрывисто, нетерпеливо. Настя ответила, негодуяюще повысив голос, и после этого разговор

резко прекратился. Вскоре она появилась с огромной сковородой жаренного мяса, молча разложила на столе глиняные тарелки и положила каждому столько, сколько могло в них войти. Казалось, она было погружена в свои сокровенные, тревожные мысли.

– Ну и мясо, Настенька, – похвалил Федор, жадно откусывая кусок за куском. – Хороший повар, как хороший поэт, встречается крайне редко. И мясо, очевидно, свежее, не мороженное. – Настя ничего не ответила. Она была так задумчива, что вероятно и не слышала, что он сказал.

– Это верно, мясо свежее, – подтвердил егерь. – Сегодня только убил лося.

– Да? – удивился Савва. – И далеко вы ходите охотиться?

– Никуда я не хожу, – ответил егерь, пожав плечами. – Зачем ходить? За домом вот и убил. Они сюда часто приходят, то ли комары их выгоняют, то ли на водопой идут.

– Где вы мясо храните? – продолжал любопытствовать Савва. – Есть у вас холодная комната в подвале?

– Ничего мы не храним. – Егерь удивленно рассматривал Савву. – Зачем хранить? Я вот вырезал кусок, килограмм восемь будет, и хватит. А что, хорош свежий лось? Вы, поди, в большом городе то никогда такого и не едали.

– Что вы делаете с остальным мясом? – спросил Сергей.

– Ничего, – ответил егерь. – Что с ним делать?

– На будущее запасти, – неуверенно посоветовал Сергей.

– На какое будущее? – еще больше удивился егерь. Он никогда не слышал за раз такого большого количества глупых вопросов. – В будущем придет другой лось. У нас тут нет будущего.

– Это же такое расточительство, – посетовал Сергей. – Сделали бы подвал, запасли бы льда...

– Давайте еще по одной, – предложил егерь. – Пора мне мозги прочистить, а то я чего-то в толк не возьму, зачем мне в подвал лед таскать.

– И зачем тогда нужен в этих краях егерь, не пойму, – не унимался Сергей. – Если так варварски вы относитесь к природе, ее нужно от вас, от егеря, охранять.

– Ты дурацкий идеалист, – вмешался Федор. – Василий дал дельное предложение, нужно разлить еще по одной. А ты, Василий, судя по всему, хороший егерь. На кой ляд нужно запасти на будущее? Вот так и надо жить, чтобы не было будущего, а только сегодня. Выпьем за СЕГОДНЯ! Ты, Игорь, выпей вдвойне. Я гляжу, ты весь красный, уж не захворал ли? Смотри, здесь нельзя болеть. Здесь род человеческий делится на две категории: здоровые и мертвые. Так выпьем за здоровых!

Мужчины выпили и снова деловито принялись за жаренного лося. Федор время от времени поглядывал на Настю, пытаясь угадать, какое впечатление на нее производит его речь.

– Бог дал нам крошечный отрезок времени на познание мира, и возможность испытать немного радостей, – снова заговорил он в своей высокопарной манере. – А общество заставляет нас тратить время на производство вещей, комфорта. Потому все и вынуждены ходить на работу, от которой плевать хочется. На что они работают? На ЗАВТРА! Вот для меня, например, самая лучшая профессия на свете, это сторож. Единственная работа, кроме сочинения стихов, на которую я способен. Представляете, тебе платят только за то, что ты есть на белом свете! Как это человечно! У сторожа есть для себя все время, отведенное ему Богом и нанявшей его администрацией. И для поэзии, и для мечты, и даже для вина и веселья. – Он говорил полушутя, полусерьезно. – Как, Настя, вы относитесь к профессии сторожа?

– У нас такой профессии нет, – сказала Настя, присаживаясь за стол. – Я не знаю никого, кто работает сторожем.

Все засмеялись, и даже Игорь улыбнулся, хоть и действительно чувствовал себя скверно.

– А дочь-то ваша, – обратился к егерю Савва, – не похожа на крестьянку. Ни фигурой, ни лицом, ни даже поведением. – Савва, как всегда, замечал все, не упускал ни одной детали.

– Э-э, да мы ведь не все здесь крестьяне, – сказал егерь. – Поселок то наш как образовался? Сюда бежали люди от раскулачивания, от гонений, в тридцатых годах, так что здесь разные люди жили. В те времена досюда никак нельзя было добраться властям. Ее бабка была из городских, однако, из образованных. Мать ее пошла в бабку, и Настенька в ихнюю породу. – Он с любовью посмотрел на Настеньку, а потом нахмурился. – Ее мать, однако, умерла при родах, – пробормотал он. – Я один дочку вырастил. Виш, какая хорошая? Человека пошла спасать.

– Что же здесь удивительного? – спросил Игорь. – А если бы не пошла, разве вы не стали бы меня спасать?

– Нет, – спокойно, почти благодушно ответил егерь.

– А почему? – удивился Игорь.

– А зачем? – ответил егерь вопросом на вопрос и уставился на Игоря в ожидании ответа. Игорь понял, что могло бы произойти не окажись Насти поблизости, и почувствовал холодок в животе.

– Я вижу, вы тут не очень жалуете пришельцев, – заметил Савва.

– Это верно, – согласился егерь. – На што нам они? Наши отцы и деды бежали сюда, чтобы выжить. Тогда у властей не было техники и они не могли сюда добраться. А сейчас? Они, власти то, и не хотят нас знать. Кто, ты думаешь, сюда приходит? Браконьеры! У них лодки с мощными моторами, они могут и за тысячу верст приехать. Ловят рыбу тоннами, большими сетями, им плевать, нерест ли, или еще какой запрет. У всех ружья есть, с ними не легко. Закон тайга, медведь хозяин. Убьют и никто следа не найдет.

– Ну и как вы с ними справляетесь? – спросил Сергей.

– Одному то тяжело, однако, да и опасно. Мне тут Петр помогает, кузнец наш. Он злющий, и ничего не боится.

– А я тоже несколько раз с ними ходила на браконьеров охотиться, – похвасталась Настя. – Я папе везде помогаю, где могу. Только они меня больше не берут с собой. Петр говорит, что больше не возьмет меня никогда. Это после того раза, что в нас стреляли.

– А сами то вы, лося убили из-за куска мяса, – не унимался Сергей. – Чем вы то лучше?

Егерь ничуть не обиделся на его замечание. Он потянулся к лежащей на столе пачке сигарет и первый раз улыбнулся.

– Жалко тебе лося – не ешь мяса. Что тебе этот лось дался? Я его убил, и всякий в деревне отрежет от него, сколько надо, пока свежий. На неделю, если не больше, хватит. А ваши то, городские бандюги, они, если им позволить, будут убивать их сотнями, каждый день. Город все сожрет, всю тайгу, от края до края.

– Не все же бандюги, – возразил Сергей. – У нас есть культура. Хотите, мы как-нибудь приедем к вам с концертом художественной самодеятельности? Я даже ради этого снова за скрипку возьмусь.

– Современное искусство не может принять таких больших жертв, – заметил Федор. – Но есть здесь, в этой идее, здоровое зерно. Я могу прочесть вам стихи, многие о тайге. – Он с надеждой посмотрел на Настю. Игорь ревниво заметил интерес в ее глазах.

– Если у вас водки больше нет, то я могу брагу поставить, – дипломатично предложил егерь.

– Есть у нас водка, есть, – радостно объявил Федор, поднимаясь. – И мы выставим ее всю за такое гостеприимство. А ты, Игорь, иди приляг. Вон, какой красный весь. Не заболел ли?

– Я ему сейчас постелю в маленькой комнате, – засуетилась Настя. – Там лавка есть большая, жестковато, правда, да я найду, что постелить.

– Не надо, – запротестовал Игорь, но Настя ушла, не обращая внимания на его протесты. Федор пошел за водкой к лодкам, поспешив закрыть за собой дверь, чтобы не впустить комаров.

– Разрушается наша жизнь, – посетовал егерь. – Бегут люди отсюда, как могут. Скучно молодым здесь. Вот и Настенька моя хочет уехать. Да я ее и не держу. Она хочет на ветеринара выучиться, ну, да она ведь одна здесь образованная. Ей то будет лучше в большом городе, она самостоятельная, серьезная, не вертихвостка там какая-то. Во всем мне подмога, однако. – Дверь отворилась и в избу ввалился, путаясь в собственных ногах, полупьяный Федор.

– Вот и водка пришла, – провозгласил он торжественно, поставив со стуком очередную бутылку, а потом сел за стол и стал деловито разливать по стаканам драгоценную влагу, всем поровну, с точностью опытного аптекаря. Мужчины молча наблюдали за ним, ревниво оценивая количество в каждом стакане.

– Давайте выпьем, наконец, за спасение души, – предложил Федор, закончив ответственную работу. – Кстати, Василий, – обратился он к егерю, – там возле дома этот рыжий парень ходит. Интересовался, когда мы уедем.

– Ты не обращай внимания, – посоветовал егерь. – Смурной он. За Настенькой, однако, ходит, как тень. Хороший он парень, да не для него она. Она, наверное, найдет свое счастье далеко отсюда. – В этот момент вошла Настя и снова села за стол.

– Что это ты обо мне говорил, папа? – спросила она, и украдкой посмотрела на Игоря. Он поймал ее взгляд и опять у него подпрыгнуло сердце. Ее глаза блестели от возбуждения.

– Мы о Петре говорили, – вмешался Игорь. – Хороший он бы был тебе муж? – Настя зарделась, но быстро овладела собой.

– Хороший, – неожиданно сказала она, глядя на Игоря с вызовом и упреком. – Только я за него не пойду.

– Он здоров, как медведь, – сказал Сергей. – Страшно с таким жить. Такой и зашибить может.

– Не меня, – уверенно сказала Настя. – Я его вперед побью, если захочу. Он меня и пальцем не тронет. – Настя гордо, с юношеским задором осмотрела сидящих, снова встретилась с Игорем взглядом своих голубых, волшебных глаз и плавно опустила вниз ресницы. Савва, мудрый, все замечающий Савва, перевел взгляд с нее на Игоря, улыбнулся, сделал глубокую затяжку и выпустил несколько колец из дыма, внимательно наблюдая как они теряют форму и тают, улетая вдаль. Игорю даже показалось, что Савва ему подмигнул. «Сволочь, этот Савва» – подумал он раздраженно.

Игорь приходил в восторг от внимания женщин. Его студенческие годы прошли в легких романах, коротких и чувственных связях со студентками и знакомствах на вечеринках. Он научился читать женское согласие в их взгляде, походке и речи. Если какая дурочка и влюблялась в него серьезно, то дальше горьких слез последней встречи дело не заходило. Игорь никогда не терял голову и предусмотрительно предохранялся от последствий любви; от беременности, претензий, болезней и других опасностей, которые так хорошо описаны в художественной и специальной медицинской литературе. Настя не была похожа ни на одну из его мимолетных подруг. Она была не опытна ни в любви, ни в флирте. В ее глазах был интерес, но не было согласия. В ее глазах был восторг юности и восхищение, но не было выражения мягкости и податливости, которые часто предшествуют легкой победе. Не было, в сущности, никакой возможности завязать роман с этой девушкой из таежной глуши, окруженной опасным и строгим вниманием. И не было сил оторвать от нее глаз. На нее поглядывали все: и аскет Савва, и женатый Сергей, и, конечно, пламенеющий от женской красоты Федор. Егерь снисходительно улыбался иногда, но делал вид, что ничего не замечает.

Игорь вначале ревниво следил за Настей, пытаясь понять, нравится ли ей Федор. Потом ему стало это почти безразлично, как, впрочем, все, что вокруг происходило. Он чувствовал

себя скверно. Очевидно поднималась температура, водка не помогла, а лекарств в этой глуши наверняка не найдешь. Что если он не сможет завтра отправиться в путь со всеми?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.